

З. А. Тычинских

О ФОРМИРОВАНИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА У СЛУЖИЛЫХ ТАТАР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII в.

Большинство исследователей сходится в том, что традиционное хозяйство сибирских татар было комплексным и базировалось на скотоводстве, земледелии, охоте, рыболовстве и собирательстве.¹ Вариации хозяйственного комплекса зависели прежде всего от среды обитания, ландшафта, климатических факторов и были традиционными в той или иной местности. В низменном Тюменском уезде, покрытом лесами и болотами, сельскохозяйственные земли располагались по берегам рек Туры, Пышмы, Иски и др. Пашенные земли Тобольского уезда находились к югу от Тобольска. Значительную часть Тобольского уезда составляли болота и заболоченные леса. Северная часть Тарского уезда была богата водоемами, южная, лесостепная, начинавшаяся от правого берега Иртыша, — плодородными черноземами. Таким образом, северная часть Тобольской губернии имела наиболее благоприятные условия для занятия животноводством, охотой и рыболовством, в то время как юго-восточная — земледелием.²

Вместе с тем не только географические условия определяли различия в хозяйственном

укладе сибирских татар. На наш взгляд, существенную роль в этом играло и то, что составлявшие основу Сибирского ханства страты феодалов-татар и ясачного населения вели разный образ жизни. Как отмечает Д. М. Исхаков, «отчетливо прослеживается деление сибирских татар на тех, кто жил по “волостям” и на тех, кто был сосредоточен по “улусам”».³ По мнению Д. М. Исхакова, служилые татары вели кочевой или полукочевой образ жизни, ясачные же — оседлый.

На различия в образе жизни сибирских татар в XVIII в. указывал и И. Георги: «как кочующие, так и на одном месте живущие чрезвычайно пристрастны к прародительским своим обрядам...»⁴

С. В. Бахрушин писал, что «в условиях северной местности хозяйство кочевников-скотоводов, какими были татары у себя на родине», должно было подвергнуться значительному изменению. Причем, как отмечает исследователь, кочевое животноводческое хозяйство в северных лесных районах постепенно утрачивало свое значение, а в степях Барабы вплоть до XVIII в. продолжало быть основным средством существования барабинских татар.⁵

Н. А. Томилов определяет в XVI–XVII вв. существование в степной и южной части лесостепной зоны ХКТ кочевых и полукочевых скотоводов, к которым относит южных чатов и телеутов, южных барабинцев, южные группы тарских, тюменских и отчасти тобольских татар. Кроме того, он выделяет ХКТ оседлых плужных земледельцев-скотоводов, к которым относит часть тобольских, тюменских, тарских и курдакско-саргатских татар.⁶

Мощным социально-политическим фактором, определившим дальнейшее экономическое развитие сибирских народов, явилась русская колонизация. На смену сложившейся

¹ См.: Кауфман А. А. Экономический быт государственных крестьян и оседлых инородцев Туринского округа Тобольской губернии. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1890; Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX вв. М., 1976; Томилов Н. А. Хозяйство барабинских татар в XIX — начале XX вв. // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986; Сатлыкова Р. К. Татары Среднего Прииртышья (Хозяйственный уклад, общинная организация и семейные отношения в конце XVIII — начале XX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993; Валеев Ф. Т., Томилов Н. А. Татары Западной Сибири. История и культура. Новосибирск, 1996; Гафурова З. А. Типы хозяйства сибирских татар Нижнего Прииртышья // Экспериментальная археология. Вып. 1. Тобольск, 1991. С. 108–117; Гарифуллин И. Б. Из истории хозяйственной жизни татарского населения Тюменской области. Тюмень, 1996; Селезнева А. Г., Селезнева И. А., Бельгибаев Е. А. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск, 2006 и др.

² См.: Халиков Н. А. Этнокультурные особенности хозяйства западносибирских татар // Сибирские татары. Казань, 2002. С. 60, 61.

³ Исхаков Д. М. О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской общности // Сибирские татары. Казань, 2002. С. 9.

⁴ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Ч. 2. СПб., 1776. С. 7.

⁵ См.: Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т. 3, ч. 2. М., 1955. С. 153.

⁶ См.: Томилов Н. А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск, 1993. С. 77.

системе отношений приходят новые, хотя на первых порах в определенной степени продолжавшие прежние традиции. Наиболее значительные изменения произошли в отношении феодальной страты. Феодальный слой Сибирского государства лишился своих господствующих позиций. Сравнительно немногочисленный контингент татарской военно-служилой знати был преобразован в служилое сословие. В хозяйственном укладе служилых татар стали происходить существенные изменения. Московское государство, будучи земледельческим, стремясь внедрить земледелие на присоединенной территории, сыграло существенную роль в трансформации хозяйственно-культурного облика сибирских народов.

О том, что земледелие было известно сибирским татарам еще задолго до русской колонизации Сибири, говорят многие источники, и прежде всего археологические находки с городища Искер — столицы Сибирского ханства. Среди предметов, найденных на городище в ходе раскопок, предпринятых в конце XIX — начале XX вв. исследователями М. С. Знаменским, В. Н. Пигнатти, а в 1990-е гг. — археологом А. П. Зыковым, встречаются железные серпы, ручные каменные жернова и пр. Свидетельствуют о занятии татар земледелием и Сибирские летописи, в частности Ремезовская, где упоминается о запасах хлеба в татарских городках.⁷

По утверждению В. И. Шункова, земледелие татарского населения до прихода русских было «примитивным по своему техническому уровню (состав хлебов, техника возделывания) и по своему хозяйственному значению, являясь лишь подспорьем в промысловом, основном хозяйстве».⁸ С. В. Бахрушин писал, что «татары сеяли быстро зреющие злаки, не требующие длительной обработки земли: ячмень, полбу и овес».⁹ Дорусское хозяйство было полукочевым, пашню пахали «наездом». Занятие земледелием часть татар сочетала с перекочевкой, вызываемой потребностями их скотоводческого или промыслового хозяйства. По мнению В. И. Шункова, раннее пашенное земледелие развивалось лишь у тобольских и

тюменских татар, занимавших территорию по Тоболу, Исети, Пышме, Туре, Вагаю, Ишиму и Иртышу.¹⁰

С мнением о «примитивности» земледелия сибирских татар не согласен Н. А. Халиков, который считает, что некоторые специфические черты агрикультуры сибирских татар «следует расценивать не как свидетельство низкого уровня земледелия, но как местную традицию, результат приспособления к экологической среде и особенностям хозяйственной культуры».¹¹ Исследователь замечает, что, не принижая значения влияния русской (как и поволжско-татарской) агрикультуры на сибирских татар, надо отметить давнюю традицию земледелия у местного тюркоязычного населения. «При всем сходстве элементов земледельческой культуры сибирских татар с представителями других национальностей, агрикультура сибирских татар сохранила ряд самобытных черт, отображающих историю их формирования и взаимосвязь с местными природными условиями».¹² В пользу традиционности земледелия у сибирских татар свидетельствует и собственная лексика земледельческой тематики, а также то, что в их агрикультуре сохранились черты ранних этапов сложения данной отрасли. Особое внимание Н. А. Халиков обращает на сибирско-татарское название ячменя — «ашлык». Термин имеет у сибирских татар и второе значение — хлеб вообще, жито. Этот факт, как считает исследователь, весьма показателен, поскольку многие кочевники Азии и Сибири, переходя к оседлому земледелию, в первую очередь начинают возделывать ячмень.¹³ И. Идес в конце XVII в. сообщал о способах употребления сибирскими татарами данной культуры следующее: «Возделываемый ячмень они сначала размягают в воде, потом слегка сушат и толкут, пока с него не сойдет кожура, затем сушат и пекут это обрушенное зерно в железном котле на большом жару. Когда зерно обжарилось и приобрело твердость кости, они едят его в тот же день сухим...»¹⁴

На наш взгляд, наиболее близко к решению проблемы становления традиционной системы хозяйства сибирских татар подошли

⁷ См.: ПСРЛ. Т. 36. М., 1987; Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. Вып. 125. Тобольск, 1915; Зыков А. П. Искер — забытая столица Сибири // Родина. Спец. вып. «Тобольск — живая былина». 2004. С. 12–16.

⁸ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. М.; Л., 1946. С. 108.

⁹ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 154.

¹⁰ См.: Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 104.

¹¹ Халиков Н. А. Указ. соч. С. 84.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695 гг.). М., 1967. С. 278.

С. В. Бахрушин и Н. А. Томилов, которые рассматривают становление данного типа хозяйства не как процесс кардинальной смены охотничье-рыболовно-собираательского хозяйства скотоводческо-земледельческим, а как процесс соединения, синтеза добывающей и производящей экономики.

Н. А. Томилов отмечает, что в лесной и лесостепной зонах в рассматриваемый период наблюдалась хозяйственная ситуация, при которой отрасли добывающего и производящего хозяйств «находились как бы в равных по своему значению отношениях» либо первые даже превалировали.¹⁵ В хозяйстве населения данного региона, знакомого со скотоводством и частично с мотыжным или пахотным земледелием ранней стадии, большую роль играли охота и рыболовство, причем нередко они являлись основными отраслями. При этом взаимодополняемость отраслей обеспечивала стабильность всей хозяйственной системы. Следует заметить, что подобная тенденция ведения комплексного хозяйства была характерна в целом для населения западносибирского региона, даже и для земледельческого русского населения, вплоть до рубежа XIX–XX вв. Так, исследователь русского крестьянского хозяйства Н. А. Балюк отмечает, что отраслевая направленность русских хозяйств на большей части территории носила комплексный характер. В северном экономическом районе земледелие как ведущая отрасль практиковалось только в его южных волостях.¹⁶ Нельзя упускать из виду и тот факт, что в формировании хозяйственной системы сибирских татар, прежде всего ясачных, значительную роль играл и угорский компонент, базировавшийся на охотничье-рыболовном ХКТ.

Что касается военно-служилой знати, то в период Тюменского и Сибирского ханств она вместе со своими улусными людьми вела полукучевой образ жизни. Примером может служить приводимое в литературе (обычно в качестве доказательства наличия дорусского земледелия у сибирских татар) высказывание воеводы А. Воейкова о том, что в 1598 г. Кучум «с детьми и со всеми своими людьми» пошел с Черных вод на Обь, где у него «хлеб сеен».¹⁷ По всей видимости, подобный образ

жизни вели и другие владельцы улусов. Одним из главных занятий знати оставалась военная служба и военные набеги. К дани приводились остяцкие и вогульские племена, ясак с которых взимался пушниной. «Соболями и белкой сибирские ханы платили дань Москве и сами собирали ясак со своих «черных людей»».¹⁸ Думается, что во многом именно полукучевой образ жизни верхушки сибирско-татарского общества сказался на непрочности внутригосударственных отношений Сибирского юрта.

Если в других татарских государствах (особенно в Казанском ханстве) социальная мощь феодальной знати была основана на землевладении и на связанной с ним военной службе хану, то в Сибирском юрте «землевладение» заключалось в основном во владении промысловыми угодьями, а также в военных набегах с целью обложения данью соседних племен. Так, юрт татарского князя Епанчи, располагавшийся на реке Туре, состоял из татар, остяков и вогулов. Из вогулов состояло и владение брата Кучума, городок которого располагался также на Туре.¹⁹ Состав сибирско-татарской знати, к которой относились князья, есаулы, беки, мурзы и пр., был весьма «мобильным». С. В. Бахрушин приводит сведения о том, как в Тюмень к хану Ибаку «убежали из Казани» Алгазый, затем Бегиш с сыном Утешем и многие другие мурзы. Нередкой была практика, когда к правителям Сибири прикочевывали на службу князья с собственными улусами. Например, к сыну Кучума Алею пришел ногайский князь Урус Алтаулович, который привел с собой несколько сот человек.²⁰ Зависимость же отдельных улусов от хана выражалась обычно в уплате ему князьями со своих «черных людей» ясака («соболи и лисицы и прочих зверей и рыб»). Аялыньские татары ловили для Кучума рыбу в Вузюкове озере. На реке Вагай жили «кречетники», которые «за ясак давали кречеты». Ясак с «черных людей» своих улусов собирали сами князьки, которые затем вручали его присылавшемуся к ним ханскому данщику («даруге»)²¹

Таким образом, вотчинные владения сибирско-татарской знати были основаны не на оседлом земледельческом хозяйстве, а на полукучевом скотоводческо-охотничье-земледельческом. Думается, что во многом по этой

¹⁵ Томилов Н. А. Проблемы этнической истории... С. 77.

¹⁶ См.: Балюк Н. А. Развитие земледельческого хозяйства Западной Сибири (конец XVI — начало XX вв.). Тюмень, 2002. С. 119.

¹⁷ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 154.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 156.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 157.

причине проблемы, связанные с закреплением земельных владений и землепользованием, встают перед сибирско-татарской знатью уже с приходом в Сибирь русских.

Придя к власти в татарских государствах, русское правительство нуждалось в службе татарских феодалов и в их коннице, поэтому оно на первых порах сохраняло и использовало сложившуюся систему вассальных отношений. Так, в XVI–XVII вв. в служилое сословие были приписаны многие татары бывшего Казанского ханства, а за службу им раздавались поместья. По размерам земельных владений в бывшем Казанском ханстве в XVII в. С. Х. Алишев подразделяет служилых татар на несколько групп. Он отмечает, что высшая группа феодалов владела поместьями от 500 до 1000 и более десятин земли. Эти князья и мурзы в XVI–XVII вв. играли достаточно заметную роль в общественной и экономической жизни ханства. Вторую группу представляли помещики с земельными владениями от 100 до 500 десятин. В 1602–1603 гг. в Казанском уезде таких феодалов было более 30 человек. Третью группу составляли мелкие служилые люди, владевшие от 50 до 100 десятин земли. Самые же низкие оклады поместной земли (до 50 десятин) были у рядовых служилых, которые мало чем отличались от основной массы крестьянства.²²

Ситуация с сибирской татарской элитой в результате русской колонизации Сибирского ханства была несколько иная. Представители татарской знати остались на вершине аборигенного общества, однако, как верно заметил С. В. Бахрушин, «связь их с прежними улусами, которые они некогда возглавляли, порвалась».²³ Так, один из основателей известного рода служилых татар Кульмаметевых — Келмамет — приходит на русскую службу, «оставя в отечестве своем вотчины и заводы».²⁴ В другом документе сообщается о свидетельстве «в сыску 1333 человек старожиллов, беломес[т]ных казаков и крестьян», о том, что земли, на которых было построено 9 русских острогов и слобод, «те земли и угодыя были сибирского царя Кучума улусных людей; и после царя Кучума и взятыя Сибири исстари

теми землями владели тобольские и тюменские служилые и ясачные татара для промыслов...»²⁵

Некоторые же «вотчинные» земли татарских «владельцев» переходили к новым хозяевам «по поступным». Так, например, тобольский служилый татарин Бекмамет Кайдаулов в 1666 г. «поступился» митрополиту Устюга Великого Архангельского Пахому за 30 рублей «на Исете реке своею вотчин[н]ою и пашенною землею и санными покосы по речке Бешкиле с рыбными ловлями и всякими угодыями...»²⁶ На приобретенных монастырем землях были поселены крестьяне.

Наградой для бывших сибирских мурз, теперь «лутчих людей», становится сохранение привилегированного положения тарханов и выдача государева жалованья (денежного и хлебного). За это они несли военную службу новому сюзеру — московскому государю.

С завоеванием Сибири становится актуальным вопрос о правовом закреплении земельных наделов и угодий. До этого в Сибири, где плотность населения была невелика, по данным П. Буцинского, в начале XVII в. число ясачных людей «...в семи уездах не превышало и 4000 человек»,²⁷ и в земельных ресурсах не было недостатка, поэтому вопрос о закреплении угодий не стоял так остро. Вполне правомерен вывод Н. А. Халикова о том, что «свидетельство о внедрении земледельческой культуры с приходом русских вполне допустимо интерпретировать и как вынужденную меру, сопровождавшую возросшую плотность населения и сокращение скотоводческих, охотничьих и рыболовных угодий».²⁸

С увеличением численности населения и становлением земледелия как одной из ведущих отраслей хозяйственной деятельности татар Прииртышья проблема правового закрепления земельных наделов требовала решения. Поэтому можно говорить о том, что становление татарского служилого (и инородческого) земледержания происходило одновременно с формированием системы служилого землевладения в Сибири в целом.

На первых порах держание земли служилыми людьми правительством не регламентировано

²² См.: Алишев С. Х. Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI–XVIII вв. // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С. 63.

²³ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 163.

²⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 98.

²⁵ Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1: 1700–1713 гг. СПб., 1882. С. 79, 80.

²⁶ РГАДА. Ф. 199. Портфели Миллера. Д. 481. Ч. 6. Л. 57.

²⁷ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Сочинения: в 2 т. Т. 1. Тюмень, 1999. С. 25, 26.

²⁸ Халиков Н. А. Указ. соч. С. 63.

валось, хотя с самого начала государственная политика была направлена на то, чтобы служилых «в пашню вваживать, чтоб себе пашню пахали и впредь бы с Руси хлебных запасов посылати меньше».²⁹ В царских указах, уже начиная с конца XVI в., предписывалось выделять участки для хлебопашества прибывшим на постоянное жительство казакам и стрельцам. Подобной политики насаждения земледельческой практики правительство придерживалось и по отношению к инородческому населению. Так, узнав, что татары около Тюмени и в Табаре по реке Тавде занимаются пашней, Борис Годунов в 1599 г. назначил Тагильские юрты на пашню с тем, чтобы вместо ясака подати с них взимать хлебом «для казенных житниц». Однако татарам «пашня не полюбилась». Уже по вторичному прошению табаринские татары были освобождены от пашни и причислены в ясак, некоторые же из тюменских татар даже бежали от новой повинности в Исетскую степь.³⁰

Естественно, что земельные и прочие наделы вновь прибывавшим русским казакам выделялись из земельных угодий, ранее принадлежавших татарам. Несмотря на то что некоторые исследователи отмечают, что поселившиеся в Сибири «по указу» или «по прибору» казаки получали землю лишь «порозшую», т. е. «ту, относительно коей татары не могли показать фактическое пользование»,³¹ и «местные власти при отводе пахотных и сенокосных угодий для русского населения стремились, по возможности, не затрагивать земельные интересы татар»,³² на деле возникали многочисленные споры по определению границ участков, по самовольному захвату наделов и т. д.

По наблюдению В. И. Шункова, если в начале XVII в. русские слободы и деревни находились в окружении огромных территорий ясачных волостей, то уже к концу XVII в. «...ясачные волости попали в окружение русских слобод».³³

²⁹ История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995. С. 179.

³⁰ См.: Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири (1585–1742). Кн. 1. М., 1838. С. 2–21.

³¹ Андроников И. А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911. С. 3.

³² Бакиева Г. Т. К вопросу о политике государства в отношении землепользования сибирских татар и русских (XVII — начало XX вв.) // Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: Русские старожилы». Тобольск; Омск, 2000. С. 21.

³³ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири... С. 6.

Как отмечает Н. А. Томилов, процесс этот сопровождался со стороны русских захватом угодий. На Тоболе русские на промысловой территории татар занимались охотой, собирали хмель, снимали орлиные гнезда, а зажиточные слободчики сгоняли татар с пашни, отнимали сено, ломали двери у юрт. В связи с этим царскими властями не раз указывалось, что «...в монастыри русским служилым и никаким людям, и татарам, и остякам никаких земель, и сенных покосов, и никаких угодий в вклад давати и продавати не велено».³⁴ Известны были случаи, когда в результате судебного разбирательства тюменским и тобольским татарам, а также бухарцам возвращали земли, занятые русскими. Покупка и аренда земли у татарского населения вплоть до начала XIX в. была запрещена. Тем не менее, процесс перераспределения земель между татарами и русскими продолжал развиваться. Около городов татары теряли свои угодья быстрее, чем в отдаленных местах. Особенностью заселения территории русскими, как отмечает Н. А. Балюк, является образование части русских поселений в местах, давно и прочно обжитых татарами. Так, русская деревня Карачинская расположилась близ Карачина городка, где находился улус думного советника Кучума. Близ юрт Буйдалинских, Медянских, Тоболтуринских, Турбинских возникли русские деревни Медянская, Турбинская, Буйдалинская и др. Близ городка князя Бегиша уже в конце XVI в. русские переселенцы возводят Бегишевский погост. То же самое можно сказать и о городках князей Абалака, Аремзяна, где впоследствии были основаны русские деревни.³⁵

Татары подавали многочисленные челобитные, в которых указывали на притеснения со стороны переселенцев. Часто для защиты прав на свои земли служилые татары обращались непосредственно к верховной власти. В результате в начале XVIII в. «Высочайшими грамотами от великих князей царей и государей...» было предписано «живущим в деревнях вверх и вниз по Иртышу и Тоболу рекам домами тобольским служилым татарам владеть своими землями со всеми угодиями, а русским людям никому в те их земли и во всякое угодие не вступать, и никаких обид им не

³⁴ Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск, 1981. С. 35.

³⁵ См.: Балюк Н. А. Тобольская деревня в конце XVI–XIX вв. Тобольск, 1997. С. 42.

чинить, а которые живут в Тобольске под горою на нижнем посаде меж русскими людьми, тем жить в тех же местах по-прежнему, чтобы им от переводу лишней тягости и разорения не было». ³⁶ По уложению 1697 г. предписывалось «мурзам и татарам своих поместий не пустошить, и самим из тех своих поместий в иные города, и в села, и в деревни никуда не бегать, а жить в своих поместьях и вотчинах, и владеть им, мурзам и татарам, всякому своим поместьем, где кто испомещается по дачам». ³⁷ По правительственному указу 1708 г. определялось, что «буде кто владеть иноземскими землями хотя по каким указам и грамотам или по каким крепостям и данным, и те все земли взять и отдать им, иноземцам, во владение по-прежнему». ³⁸

Таким образом, формально государство оберегало права инородческого служилого и ясачного населения на земли и угодья. Делалось это для того, чтобы «ясачных людей от государева жалованья не отгонять и тем бы их не оскорбить» ³⁹ и чтобы «нашей государеве службы и подводные гонбы не отбыть». ⁴⁰

Согласно правительственным указам, вся земля за Уралом считалась собственностью государства. ⁴¹ Как русских крестьян, так и сибирских инородцев закон рассматривал как «водворившихся» на казенных землях. При этом собственность государства была не номинальной: верховная власть не только декларировала, что в «Московском государстве и в Сибири с земель служилые всякого чина служат Наши, Великого Государя, службы, а крестьяне пашут десятинные пашни и платят оброки, а даром землями никто не владеет» (указ от 20 июня 1701 г.), но и на деле осуществляла права собственника. Условием владения земель для служилых людей было несение ими службы с одновременным лишением части или всего хлебного жалованья. ⁴²

Владение землей для служилых татар, как и для русского служилого сословия, осуществлялось на основании несения службы. Во многих документах, закреплявших земельные права, подчеркивалась условность характера владе-

ния земель. Так, в них говорилось, что «дачи пожалованы предкам... служивым татарам от казны вместо хлебного жалованья и фуража». ⁴³ Государство закрепляло за служилыми татарами их «вотчинные земли и угодья», но одновременно оговаривало, что условием владения этими вотчинными землями является служба. Как отмечает И. А. Андроников, «все обязанности покоренных по отношению к покорившей их Москве... заключались в “службе”»: под видом ли обработки земли для пополнения царских житниц, под видом ли ясака, вносимого пушниною, а затем деньгами, или же, наконец, в виде действительной службы в царском войске». ⁴⁴

Первые планы на сибирские земли были составлены правительственными органами еще в конце XVI — начале XVII вв. Границы землепользования определялись в ходе оформления писцовых и переписных книг, выписи из которых выдавались переписчиками на руки. При всех спорах на протяжении XVIII — начала XX вв. выписи служили для татар доказательством их прав на землю. ⁴⁵ Границы угодий обозначались в записях естественными урочищами: озерками, болотами, колками и т. д. В XVIII — начале XIX вв. правительство рассматривало «данные» на татарские земли как документ, закрепляющий за землевладельцами право спокойного и прочного владения землей, которой до того времени владельцы эти пользовались фактически, по обычному праву, но без ограждения от посторонних притязаний на основе права формального. «Данные» выдавались и на земли «порозжие», никем не занятые. В XVIII — начале XIX вв. правительство предоставляло татарам право свободного распоряжения занятыми землями. Земли татар считались «вотчинными», исстари состоявшими в их владении. Единственным ограничением в распоряжении татар землей было запрещение ее продажи русским. Между самими татарами никаких препятствий при купле-продаже или закладе земель правительство не ставило, и акты на эти сделки совершались фактически беспрепятственно, однако при условии, что право на владение землей было закреплено «данными». ⁴⁶ По указу Сибирской губернской канцелярии

³⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 103об.

³⁷ Там же. Д. 24. Л. 2.

³⁸ Там же.

³⁹ Андроников И. А. Указ. соч. С. 56.

⁴⁰ Там же. С. 39.

⁴¹ См.: Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993. С. 65.

⁴² См.: История казачества Азиатской России. С. 182.

⁴³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 279об.

⁴⁴ Андроников И. А. Указ. соч. С. 2, 3.

⁴⁵ См.: Бакиева Г. Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVII — начало XX вв.). Тюмень; М., 2003. С. 124.

⁴⁶ Андроников И. А. Указ. соч. С. 58.

от 26 июля 1732 г. предписывалось: «впредь русским людям на татарских и других иноземцов землях, на которых они живут и промысел имеют, жить татарам и другим иноземцам, таковые свои земли русским людям продавать запрещено».⁴⁷

В конце XVI — начале XVII вв. официально фиксированные нормы отвода земель служилым людям отсутствовали, поэтому величина участков в хозяйствах служилых сильно варьировалась. В первой половине 1620-х гг. в Западной Сибири она колебалась от 0,75 десятины до 121 десятины на один двор.⁴⁸ Н. А. Балюк приводит сведения, что в среднем на двор русских служилых приходилось 15,7 десятины пашенных земель.⁴⁹

Уже в начале XVII в., по реформам тобольского воеводы Ю. Я. Сулешева (1623–1625), служилое землевладение в значительной мере ставится под контроль властей. Земельные участки служилым людям стали отводиться, как правило, в размерах, которые соответствовали их хлебному окладу. В дальнейшем официальные нормы отвода земли были уменьшены. Так, в 1696 г. было предписано «сибирских городов служилым людям за хлебные оклады» отводить: дворянам и детям боярским — по 10 десятин пахотных угодий в одном поле (30 десятин в трех полях) и сенных покосов на 600 копен (что составляло около 30 десятин), конным казакам — по 6,5 десятин в поле и покосов на 200 копен. С 1732 г. по указу Сибирской губернской канцелярии конным казакам стали отводить надел пахотной земли в 5 десятин, хотя на практике часто допускались отступления от установленных норм.⁵⁰

Что касается служилых татар, то по Дозорной книге г. Тары (первая четверть XVII в.) можно оценить размеры их земельных владений в XVII в.⁵¹ Размеры запашки, производимой тарскими служилыми татарами, были незначительными. В целом, они не превышали 6 десятин (по 2 десятины в трех полях). Средний размер пашни, приходившейся на 1 двор, был около 3 десятин. Все тарские служилые татары несли службу «с пашни» и получали

только денежное жалованье. По данной книге также видно, что среди русских казаков были нередки случаи завладения татарскими угодьями. Служилые татары направляли челобитные к царю с жалобами на причиненные обиды. Так, «тарские служилые татаровья Талайко Кучуков, Копландейко Черегеев с товарищи... подали челобитную, а в челобитной их написано: с прошлых лет поле дедов и отцов своих владеют они, татаровья, пашенною и непашенною землею в межах подле речки Великую Кыртицу реке, а по другую сторону с пашни казакам Миткою Косаревым и подле болота... А в нынешнем... году, по челобитной тарского отставного конного казака Анички Кузнецова, отдана та их вышеписанная татарская земля ему, Аничке, без розыску...»⁵² Часто прибегали к свидетельству однообщинников о владении землями «исстари», что и являлось основанием для дальнейшего владения угодьями. Так же было и в этом случае. В итоге «по указу великого государя... велено вышеписанною пашенною и непашенною землею владеть служилым татарам Талайке Кучукову и Копландейке Черегееву с товарищи по-прежнему».⁵³

Пашенные угодья томских служилых татар были также небольшими. Размеры пашни, обрабатываемой ими в Малой Байкульской волости (вверху на реке Томи и на Черной речке), в XVII — начале XVIII вв. в среднем были немногим больше 1 десятины на двор.⁵⁴ Томские служилые татары указывали, что владели своими угодьями «без крепости» и с этих владений не платили в казну денежных и хлебных податей.

Переписные книги сына боярского Ф. Бовыкина 1672 г. позволяют рассмотреть размеры пашенных угодий в XVII в. тобольских служилых татар на примере татар юрт Турбинских Тобольского уезда. Так, на 1 хозяйство приходилось в среднем по 5 десятин земельных угодий, из которых обрабатываемой пашни было 4,5 десятины. Средний размер возделываемой пашни захребетных татар юрт Турбинских составлял около 3 десятин. Кроме того, в совместном владении служилых и захребетных татар находилось более 30 десятин земельных угодий близ юрт Турбинских, которыми они вла-

⁴⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 24. Л. 2.

⁴⁸ История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995. С. 180.

⁴⁹ Балюк Н. А. Развитие земледельческого хозяйства Западной Сибири (конец XVI — начало XX вв.). Тюмень, 2002. С. 15.

⁵⁰ История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995. С. 180.

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Дозорная книга г. Тары. Л. 284об.–352об.

⁵² Там же. Л. 349об.

⁵³ Там же. Л. 349–350об.

⁵⁴ Материалы I-й подушной переписи населения России 1720 г. (рассчитано по: Малиновский В. Г., Томилов Н. А. Томские татары и чулымские тюрки в первой четверти XVIII в. Хозяйство и культура. Новосибирск, 1999. Т. 1. С. 449–456).

дели «без крепости», а также многочисленные сеньные угодья.⁵⁵

Таким образом, в XVII в. происходят кардинальные изменения в хозяйственном укладе сибирских татар. Эти изменения были связаны, прежде всего с русской колонизацией Сибири и государственной ориентацией на развитие хозяйства юга Сибири в целом как земледельческого. Несмотря на то что земледелие существовало у татар еще в дорусский период, оно не играло значительной роли в

хозяйственном комплексе сибирских татар, даже в благоприятных для земледелия южных районах. Татарское хозяйство в XVII в. продолжает оставаться многоукладным, но «в экономике нерусского населения Сибири земледелие принимает все более устойчивый характер».⁵⁶ В XVII в. начинает формироваться система инородческого земледержания, при которой верховным собственником земли выступает государство, дающее земли татарам либо «за службу», либо «за уплату ясака».

Ключевые слова: *служилые татары, земледелие, хозяйственный уклад, колонизация, Сибирь*

Zaytuna A. Tychinskih

Candidate of Historical Sciences, Tobolsk State Social Pedagogical Academy (Russia, Tobolsk)
E-mail: zaituna.09@mail.ru

ON THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE AMONG AMONG THE SLUZHILYE TATARS OF WEST SIBERIA IN THE 17TH CENTURY

The paper deals with the process of transformation of the economic and cultural traditions of Siberian peoples as a result of the Russian colonization using the service class Tatar population as a case study. The Moscow state as an agricultural power was interested in the introduction of agriculture in the colonized territories. This fact played a decisive role in the change of the economy structure of the aboriginal population. It is demonstrated that in the 17th century a system of the service-class non-Russian population land ownership began to evolve in Siberia conditional on the active service to the Moscow state.

Key words: *sluzhilye tatars, agriculture, economic way, colonization, Siberia*

REFERENCES

- Alishev S. Kh. *Issledovaniya po istorii krestyanstva Tatarii dooktyabrskogo perioda: sb. nauch. tr.* (Studies in the History of the peasantry Tartary pre-October period: collected papers). Kazan: izd-vo KGU, 1984, pp. 52–69. (in Russ.).
- Andronikov I. A. Tobolsk: Gub. tip., 1911, 396 p. (in Russ.).
- Apollova N. G. Moscow: Nauka, 1976, 370 p. (in Russ.).
- Bakhrushin S. V. *Sibirskie sluzhilye tatory v XVII v.* (Siberian Tatars servicemen in the XVII century). Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955, Vol. 3, Part 2, pp. 153–175. (in Russ.).
- Bakieva G. T. *Materialy III Sibirskogo simpoziuma* (Materials III Siberian Symposium) “*Kulturnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri: Russkie starozhily*” (“Cultural heritage of the peoples of Western Siberia: Russian old-timers”). Tobolsk, Omsk: izd-vo OmGPU, 2000, pp. 21, 22. (in Russ.).
- Bakieva G. T. Tyumen, Moscow: tipografiya INION RAN, 2003. (in Russ.).
- Balyuk N. A. Tobolsk: tipografiya ZAO “Shtrikh”, 1997, 224 p. (in Russ.).
- Balyuk N. A. Tyumen: TyumGNGU, 2002, 180 p. (in Russ.).
- Balyuk N. A. Tyumen: izd-vo TyumGNGU, 2002, 180 p. (in Russ.).
- Butsinskiy P. N. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki, 1999, 328 p. (in Russ.).
- Gafurova Z. A. *Eksperimentalnaya arkhologiya: sb. nauch. tr.* (Experimental Archaeology: collected papers). Tobolsk: izd-vo TGPI, 1991, Issue 1, pp. 108–117. (in Russ.).

⁵⁵ Рассчитано по: Андроников И. А. Указ. соч. 1911. С. 7–10.

⁵⁶ Там же.

- Garifullin I. B. Tyumen: tipografiya AO "Praktika", 1996, 66 p. (in Russ.).
- Georgi I. G. St. Petersburg: Izd-vo knigoprodavtsa I. Glazunova, Part 2, 1776. (in Russ.).
- Ides I., Brand A. Moscow: Glav. red. vost. lit., 1967, 404 p. (in Russ.).
- Iskhakov D. M. *Sibirskie tatary: sb. nauch. tr.* (Siberian Tatars: collected papers). Kazan: Institut istorii AN RT, 2002, pp. 7–16. (in Russ.).
- Istoriya kazachestva Aziatskoy Rossii* (History of Russian Cossacks Asian). Ekaterinburg: UrO RAN, 1995, Vol. 1, 318 p. (in Russ.).
- Kaufman A. A. St. Petersburg, 1890, Part 1, Branch 1. (in Russ.).
- Khalikov N. A. *Sibirskie tatary: sb. nauch. tr.* (Siberian Tatars: collected papers). Kazan: Institut istorii AN RT, 2002, pp. 59–85. (in Russ.).
- Malinovskiy V. G., Tomilov N. A. Novosibirsk: Nauka, 1999, Vol. 3, 536 p. (in Russ.).
- Pamyatniki Sibirskoy istorii XVIII v.* (Sites Siberian stories of the XVIII century). St. Petersburg: Tipografiya MVD, 1882, Book 1, 551 p. (in Russ.).
- Pignatti V. N. *Yezhegodnik Tobolskogo gubernskogo muzeya* (Yearbook of Tobolsk province museum), 1915, Issue 25, pp. 1–36. (in Russ.).
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* (Complete collection of Russian chronicles). Moscow: Nauka, 1987, Vol. 36, 381 p. (in Russ.).
- Satlykova R. K. *Tatary Srednego Priirtyshya (Khozyaystvennyy uklad, obshchinnaya organizatsiya i semeynye otnosheniya v kontse XVIII — nachale XX v.). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* (The Tartars of the Middle Irtysh (economic structure, community organization and family relationships at the end of XVIII — the beginning of the XX century.). Summary of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences). Moscow, 1986, 19 p. (in Russ.).
- Seleznev A. G., Selezneva I. A., Belgibaev Ye. A. Omsk: ID "Nauka", 2006, 260 p. (in Russ.).
- Shunkov V. I. Moscow: Nauka, 1974, 376 p. (in Russ.).
- Shunkov V. I. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, 1946, 228 p. (in Russ.).
- Slotsov P. A. Moscow, 1838, Book 1, 589 p. (in Russ.).
- Tomilov N. A. *Genezis i evolyutsiya etnicheskikh kultur Sibiri: sb. nauch. tr.* (The genesis and evolution of the ethnic cultures of Siberia: collected papers). Novosibirsk: SO AN SSSR, IIFiF, 1986, pp. 65–76. (in Russ.).
- Tomilov N. A. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1981, 276 p. (in Russ.).
- Tomilov N. A. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1993, 219 p. (in Russ.).
- Valeev F. T. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 1993, 208 p. (in Russ.).
- Valeev F. T., Tomilov N. A. Novosibirsk: Nauka, 1996, Vol. 2, 217 p. (in Russ.).
- Zykov A. P. *Rodina* (Motherland), Special Issue, 2004, pp. 12–16. (in Russ.).